

ре XX века: учеб.-метод. пособие. Гродно, 2002.

2. Шижкин М. П. Венерин волос: роман. М., 2005. С. 25. Далее роман «Венерин волос» цитируется по этому изданию, страницы указываются в скобках.

3. Барм Р. Мифологии. М., 1996.

K. A. SEMUSHINA. THE STRUCTURE OF THE MYTH OF M. SHISHKIN'S NOVEL «MAIDEN'S HAIR»

Considering M.P. Shishkin's novel «Maiden's hair», the author of the article reveals in its structure the elements of the neomyth.

Key words: M. Shishkin's prose, genre of the novel, mythopoetics, narrative.

О. В. ГРИГОРЬЕВА

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИГРАММЫ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

Автор статьи рассматривает особенности русской эпиграммы второй половины XX – начала XXI века.

Ключевые слова: речевой жанр, эпиграмма, мадригал, сатирическая и юмористическая экспрессия.

С позиций лингвостилистики при исследовании любого жанра, в том числе и эпиграммы, важно выявить и охарактеризовать основные стилиобразующие признаки этой жанровой формы художественной речи: историческую закреплённость за соответствующим функциональным стилем, содержание и характер речевой ситуации, целевое назначение жанра. Последнее из них является главным стилиобразующим фактором и на уровне речевой структуры жанра проявляется в особой экспрессивно-оценочной, модальной окрашенности, которая способствует объединению текста в художественное целое [1]. При этом, указывают М. Н. Нестерова, В. А. Шипилова, О. В. Переходюк, экспрессивно-оценочную окрашенность следует понимать в широком смысле, включая все стороны речевой выразительности (семантика, стилистическая окраска, употребление в речи различных языковых единиц) и оценочности. Экспрессивность есть «выразительность, обусловленная комплексом самых различных языковых и контекстуально-речевых средств. Экспрессивность в художественном тексте органически связана с оценочностью», что обусловлено «не только структурной целостностью текста, свойственной ему модальностью, но и тесной взаимосвязью этих явлений на уровне семантики отдельных взятых номинативных языковых единиц [2].

В зависимости от целевого назначения жанровой формы экспрессивно-оценочная окрашенность текста в художественном произведении может быть:

– одноплановой и односубъектной (лирическая песня, лирическая и сатирико-юмористическая частушки);

– двухплановой или двусубъектной (басня, анекдот и пр.);

– многоплановой или полисубъектной (исторический роман и пр.).

Для эпиграммы характерна экспрессивно-оценочная одноплановость: дается сатирическая оценка с позиции одного субъекта – автора. Будучи лирическим жанром, целевое назначение которого – в сжатой форме выразить отношение авто-

ра к тому или иному событию, лицу, дать им свою оценку, эпиграмма представляет собой одноплановую экспрессивно-семантическую структуру и характеризуется односубъектной художественной модальностью.

В двустрочных эпиграммах, которым свойственна наибольшая сжатость художественно-речевого пространства, отчетливо выделяются лишь два экспрессивно-семантических микрополя, однонаправленные или контрастные. Многие четырехстрочные эпиграммы также состоят из двух микрополей однонаправленного (негативного) или контрастного типа. Но встречаются и речевые структуры, состоящие из 3–4 микрополей, в многострочных эпиграммах может быть до 10 и более микрополей.

Литературовед Е. В. Новикова выделила два типа смысловой структуры эпиграмм: «узловатые» и «однонаправленные». Первый предполагает наличие смыслового поворота, который предшествует острой комической развязке; если же «движение смысла задано изначально и осуществляется без поворотов», то перед нами второй тип [3].

Текст эпиграммы, как правило, отчетливо подразделяется на два основных экспрессивно-семантических микрополя. В монологических эпиграммах острый комизм создается неожиданным контрастным смещением остроумным сдвигом, когда рассказ неожиданно переключается из одного экспрессивно-семантического микрополя в другое. Приведем в пример эпиграмму П. Потемкина о первых революционных событиях 1905 года «Свобода, сожаление и читатель»: «*Однажды нам была дарована Свобода, / Но, к сожалению, такого рода, / Что в тот же миг куда-то затерялась. / Тебе, читатель мой, она не попадалась?*» [4]. Первое (подготовительное) микрополе служит экспозицией, а второе (мы выделили соответствующий фрагмент) – кульминацией, неожиданной остротой саркастического характера. В результате взаимодействия две композиционные микрочасти создают единое экспрессивно-семантическое поле сатирической модальности.

При лингвостилистическом подходе выявляются различные стороны текста – его языковая

форма и содержание (каждый автор подчиняет языковые средства выполнению своих идейно-эстетических задач).

Рассматривая экспрессивную тональность эпиграммы советского периода, сначала отметим общую динамику исторически обусловленных перемен.

Негативная оценочная экспрессия в политических эпиграммах начала XX столетия продолжала традиции русской классической (политической и литературной) эпиграммы, сформировавшейся в пушкинскую эпоху. Давалась достаточно острая оценка царскому режиму, конкретным государственным деятелям. Так, в ходе первых революционных событий 1905 года появилась эпиграмма К. Фофанова: «*Чуть пробуждается народ, / Сейчас дадут ему уставы, / Кричат: «Закройте-ка уста вы!» / И вмиг кладут печать на рот!»*» (с. 291). Ф. Сологуб откликнулся на назначение Д. Ф. Трепова московским оберполицеймейстером: «*В смуте этих темных дней / Много есть нелепого, / Но не знаю я глупей / Назначенья Трепова. // Надо мозг свой залепить / Целым фунтом клейстера, / Чтобы к власти допустить / Гада полицеймейстера!»*» (с. 274).

В 1920–1930-е годы характер оценочной экспрессии изменился: острые инвективы на государственных, партийных деятелей стали редкостью, поскольку существовала тотальная система слежки и доносов, авторам таких эпиграмм грозил длительный тюремный срок и даже расстрел. По сравнению с эпиграммами рубежа XIX–XX столетий политические эпиграммы советского времени выглядят значительно умеренней и мягче. Это заметно по эпиграмме, которая принадлежит перу Ю. Н. Тынянова: «*Если ты не согласен с эпохой / – Охай»*» (с. 288). В печати стали преобладать комплиментарно-юмористические эпиграммы, близкие к мадригалу. С этим, казалось бы, противоположным жанром, эпиграмму связывает такое формальное сходство, как наличие заключительного пуанта. Возьмем в пример строки, адресованные поэтессой Т. Лебединской Иосифу Кобзону: «*Он пел, поет и будет петь / От Яузы и до Гудзона. / И в джунглях на глухой тропе – / Следы великого Кобзона»*» (с. 178).

Возрождение саркастической эпиграммы на общественно-политическую тематику в постсоветское время было вызвано как расширением демократии и свободы слова, так и развалом страны (захват олигархами общенародной собственности, ухудшение жизни народа, в том числе, и творческой интеллигенции). А. Пьянов писал, что перед россиянами единственный выбор: «*Кто – на нары, / Кто – на Канары»*» (с. 232); Б. Рацер иронизировал: «*Согласно достоверной информации, / Зависима культура от инфляции. / Была Россия больше всех читающей, / А нынче стала больше всех считающей»*» (с. 247).

Как указывает В. Д. Бондалетов, главную роль в создании экспрессивно-оценочной тональности текста играют лексические и фразеологические средства, которые являются, как правило, эмоциональными и оценочными одновременно [5]. «Есть некоторые очень тонкие различия между эмоциональным значением и эмоциональной окраской, – пишет И. Р. Гальперин, – хотя иногда трудно провести разграничения между этими двумя поня-

тиями. Эмоциональное значение – это присущее слову выражение чувств, отношения, оценки. Иногда это эмоциональное значение, сопутствуя предметно-логическому, выражает отношение говорящего к понятию, заключенному в этом последнем значении. Эмоциональное значение становится особенно очевидным в тех случаях, когда оно одно присутствует в слове, например, в междометиях. Эмоциональная окрашенность – это только зачатки эмоционального значения. Эта окрашенность может быть подсказана интонацией, она может возникать по ассоциативной связи, в результате частого употребления в определенных контекстах. Она может быть связана и с самим содержанием понятия. Так, например, слова, обозначающие чувства, почти всегда (если они только не употребляются в научной прозе в качестве терминов) эмоционально окрашены» [6].

Эпиграмме как особой жанровой форме свойственна сатирико-юмористическая экспрессия и оценочность, в зависимости от речевой структуры, – открытая («фельетонная») или завуалированная («басенная»). Причем в эпиграммах советского и постсоветского времени достаточно заметна активность положительных оценочных средств при сравнительно редком использовании оценочных языковых средств с резкой негативной экспрессией. Открытая положительная характеристика дается, прежде всего, прилагательными. Комплиментарная эпиграмма Г. Соловьева «Роберту Рождественскому» вся состоит из кратких прилагательных: «*Поэтичен. / Динамичен. / Голосист. / Телегеничен. / Энергичен. / Современен. / Вездесущ. / И неприменен!»*» (с. 272); тремя краткими прилагательными начинается «Автоэпиграмма» Г. Фрумкера: «*Был глуп, беззуб и лыс, когда родился. / Прошли года. Я мало изменился»*» (с. 298). Однако в большинстве эпиграмм начало (первый микротекст) содержит положительную, а конец – негативную оценку. Таков самобичующий текст И. Губермана: «*Красив, умен, слегка сутул, / набит мировоззрением, / вчера в себя заглянул – / и вышел с омерзением»*» (с. 97). Бывает, напротив, эпиграмма начинается с негативной оценки, а заканчивается положительной: «*За то, что Глазков / Ни на что не годен, / Кроме стихов, – / Ему надо дать орден», – написал автоэпиграмму Н. Глазков*» (с. 89).

Применяемая как прием речевой выразительности экспрессивная антитеза может быть более или менее развернутой. В эпиграмме Д. Бедного «А. Луначарскому» это противопоставление **лохмотья – бархат**: «*Цена в искусстве рублики, / Нарком наш видит цель: / Дарит лохмотья публике, / А бархат – Розенель»*» (с. 44) [7]. В юмористической зарисовке А. Раскина «Конферансье Михаилу Гаркави» это пара экспрессивных определений **толст – тонок**: «*Что толст он – это не беда, / Беда, что тонок не всегда...»*» (с. 238). В эпиграмме, которую П. Хмара посвятил профессору Академии им. Жуковского Елене Вентцель, подобная антитеза выстроена глагольной парой **любить – убивать**: «*Близка и вправду к гибели планета: / Не может же она существовать. / Когда такие женщины, как эта, / Нас учат не любить, а убивать!»*» (с. 305).

Нередко юмористические антитезы конструируются как столкновение паронимов: Р. Гамзатов.

«Жене одного поэта»: «Твой муж – поэт, других не хуже, / И ты отлично ценишь стих. / Хоть не читаешь строки мужа, / Зато всегда считаешь их» (с. 82). Созданию комического эффекта могут служить противопоставления, основанные на омонимичных созвучиях. Например, М. Векслер использовал омонимы *нагой* – *ногой*: «Свой путь земной, мозоли натирая, / Я прохожу холодный и нагой, / Так безгреховно, что ворота рая – / Привет, ребята! – отворю ногой» (с. 69). В ряде случаев для создания сатирического эффекта используют сочетание приемов (например, комическое созвучие + авторские неологизмы). М. Векслер. «Вокруг света»: «Жители Оскоминки / И, конечно, Клюквинки / Шьют и носят смокинги, / Фракинги и брюкинги» (с. 69). Экспрессию может усиливать сравнение: А. Архангельский. «Илье Эренбургу»: «У Эренбурга скромный вид, / Ему не свойственна шумиха, / Фундаментален как слониха / И как крольчиха плодовица» (с. 37).

Широко используется и ирония. Так, в эпиграмме «Иосифу Уткину» В. Маяковский иронично упомянул о картавом, на английский манер произносимом согласной буквы Р: «О Бард, / сгитарьте тарайра нам. / Не Вам строчить агитки хламовы... / И Бард поет, / для сходства с Байроном / на русский / на язык / прихрамывая» (с. 200). На ироническом противопоставлении положительной / негативной экспрессии построено множество эпиграмм, адресованных конкретным лицам: «Без лишних слов, без лишних жестов / Он стал солидно на гранит. / Кому в театре нету места, / Тот и снаружи постоит. / Сойдите прочь, Екатерина, / И пусть заслуженный Петров / Взойдет на пьедестал старинный / В сопровождении орлов», – написал выдающийся мастер сцены Николай Павлович Акимов, когда вместо него главным режиссером Ленинградского театра комедии решили назначить Николая Васильевича Петрова (с. 23).

Один из богатейших источников средств речевой выразительности – фразеология. Ее образностью, эмоциональностью, яркой оценочностью определена широкая употребительность устойчивых выражений в жанре эпиграммы. Определенную стилиобразующую функцию выполняет фразеология разговорно-обиходная, просторечная, вводимая в контекст трансформировано, с нарушением синтагматических сцеплений с другими словами. Приведем как образец эпиграмму М. Светлова «Семену Кирсанову»: «Кирсанову – хвала и честь: / Он, с критиками споря, / Себя попробовал прочесть... / Ну и хлебнул он горя!» (с. 261).

Иногда авторы творчески преобразуют и художественно обыгрывают фразеологизмы. Так, Я. Сашин («Сергею Михалкову») добавил к устойчивому выражению «собаку съел» словосочетание «не убил бобра» – ироничный намек на одного из любимых басенных персонажей С. Михалкова: «В желанье славы и добра / Он смело кинулся в атаку, / Но басней не убил бобра, / Хотя на баснях съел

собаку» (с. 257). Смысл сразу нескольких идиом – «бегаёт как заяц», «бегаёт как собака», «вкладывать душу», «душа ушла в пятки» – искусно перефразирован Ф. Кривиним («Дистрофики»): «Проворный пес, а заяц не догнал. / Пришлось ни с чем с охоты возвращаться. / Ох этот заяц! Он хотя и мал, / А бегаёт – большому не угнаться. / А почему? Не взять собаке в толк. / Она ведь тоже бегаёт не хуже... / Собака только выполняет долг, / А заяц вкладывает душу» (с. 166).

Надо отметить, что в эпиграммах конца постсоветского времени стала заметна экспансия нецензурных слов и выражений, в определенной степени вызванная тем, что в жестких общественно-политических условиях эпиграмма превратилась в преимущественно «кухонный» жанр. И если изредка встречавшиеся в художественной литературе в 1930–1960-х годов нецензурные слова обозначались на печати лишь одной начальной буквой, то в постсоветское время они в текстах даются полностью.

Выявленные лингвостилистические черты материала дают представление об эпиграмме как фрагменте русской языковой картины мира, несущем на себе черты как традиционные национальные, так и приобретенные в силу новой идеологии.

Итак, эпиграммы (жанр лирики, которому свойственна стиховая форма) обычно представляют собой произведения небольшого текстового объема, с ярко выраженной сатирико-юмористической экспрессией (зачастую проявляющейся в концовочной язвительной остроте). Целевым предназначением эпиграммы – осмеянием адресата – определено использование главным образом экспрессивно-семантических средств языка, основу которых составляет общелитературная лексика с пейоративной оценочностью. Стихотворцы-эпиграмматисты активно используют омонимичные созвучия, паронимы, фразеологические обороты, приемы экспрессивной антитезы, сравнения, иронию.

Литература и примечания

1. Нестеров М. Н., Штилов В. А. Стилистика русской басни (функционально-жанровый аспект). Армавир, 1998.
2. Нестеров М. Н., Переходюк О. В. Речевая структура современного анекдота и языковые средства комизма. Армавир, 2001. С. 31.
3. Новикова Е. В. Поэтика русской эпиграммы пушкинской эпохи: дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. С. 50–53.
4. Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 41 / сост. В. Новиков. М., 2007. С. 225. Далее ссылки на это издание даются в тексте (в скобках указывается номер страницы).
5. Бондалетов В. Д. и др. Стилистика русского языка / под ред. Н. М. Шанского. Л., 1989. С. 18.
6. Гальперин И. П. Очерки по стилистике английского языка. Л., 1958. С. 118–119.
7. Розенель – театральная псевдоним жены А. В. Луначарского.

O. V. GRIGORYEVA. LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF THE EPIGRAM OF THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIOD

The author of the article considers the peculiarities of Russian epigram of the second half of XX – beginning of the XXI centuries.

Key words: speech genre, epigram, madrigal, satirical and humorous expression.